

*С. Маркович
(Ниш, Сербия)*

Юрий Лобачев – основоположник сербского комикса

История сербского комикса начинает свой отсчет в XIX веке – тогда в юмористических газетах, в периодических изданиях для детей и в календарях публиковались иллюстрации в т. н. „ремнях“ (речь идет о нескольких иллюстрациях, расположенных одна за другой по горизонтали, объединенных единством действия и темы и сопровождающихся внизу текстами шутливого содержания), и их принято считать предвестниками комикса.

Первая юмористическая газета под названием «Шальивац» («Шутник») начала выходить в Белграде 17 ноября 1850 года. В 1853 году в г. Нови-Сад выдающийся сербский поэт Йован Йованович, писавший под псевдонимом Змей (Змај), совместно с Димитрием Михайловичем начинал издавать юмористическую газету «Месечар» («Лунатик»), а позднее он же основал газету для детей и молодежи «Невен» («Ноготки»).

Йован Йованович-Змай занимает особое место в истории сербских юмористических изданий. К уже готовым юмористическим иллюстрациям, нанизанным подряд по шесть или восемь картинок, он писал свои знаменитые юмористические стихи (тексты размещались под картинками).

Известно также, что „нанизанные“ иллюстрации для газеты „Невен“ рисовал выдающийся сербский художник-реалист Урош Предич¹.

Судя по всему у сербского комикса могла бы быть иная история, которая бы начиналась и раньше, не случись в Сербии войн – сначала Балканских, а потом и Первой Мировой.

Так здесь обстояли дела вплоть до начала 1920-х годов – до прибытия в страну русских эмигрантов. Их присутствие в культурной, научной и общественной жизни

¹ Здравко Зупан, Златно доба српског стрипа или Стрип у Србији 1935-1941 // "Пројекат Растко" – Библиотека српске културе на интернету. (<http://www.rastko.rs/strip/zzupan-zlatnodoba.html>)

стало ощущаться весьма быстро. Наряду с благоприятным влиянием на культуру в целом, они фактически с нуля создали белградский балет, оперу, заложили основы театральной сценографии, внесли огромный вклад в архитектуру, а искусство иллюстрации и комикса довели до европейского уровня.

Первый комикс в Сербии опубликовал не выходец из России (как следовало бы ожидать), а серб – Власта Белкич. Это был детективный комикс «Приключения детектива Гарри Уилса» («Авантуре детектива Хари Вилса»), который выходил в иллюстрированном периодическом издании «Неделя» («Неделя») с февраля по апрель 1935 года.

Уже через месяц после начала выхода серии комиксов Белкича, 23 марта 1935 года двое русских авторов Юрий Лобачев и Вадим Курганский начинают публиковать в газете «Панорама» детективную историю в комиксах «Кровавое наследство» («Крваво наследство»)².

Почти одновременно появился и комикс Алексея Ранхнера по сценарию Славко Петровича «Душа товарищества» («Задругарско срце»), в основе которого лежали фольклорные темы.

Лобачев и Курганский еще один раз выступили как соавторы комикса – вдохновленные романом Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», они создали комикс «Смертельный луч». Но это стало и концом их совместного творчества: Курганский после этого отошел от создания комиксов. Он скончался в США в середине 1970-х годов.

Своим творчеством Лобачев, Курганский и Ранхнер стали предвестниками появления весьма значительных русских мастеров этого жанра: выдающегося карикатуриста сатирической газеты «Жеж» («Еж») Н. И. Тищенко, Николая Навоева (который порой пользовался псевдонимом Nick Woodly), Константина Кузнецова (пользовался псевдонимами K. Kulidz и Steav Doop), Сергея Соловьева, Ивана Шеншина, Владимира Жедринского³. Рядом с ними появилось и определенное число

² Для такого случая авторы подобрали для себя псевдонимы: Лобачев подписывался как Джордж Стрип, а Курганский – как Владимир Цилич.

³ Владимир Жедринский наибольших успехов достиг в сербской сценографии. Однако был у него жар и исключительного мастера комиксов. Жедринский создал две истории в комиксах: «Руслан и Людмила» по произведению А. С. Пушкина и «Семейка Забавновых» («Породица Забавчић»). Комикс «Руслан и Людмила» явился произведением уникального графического выражения, какое искусство комикса

сербских мастеров комикса: Джорде-Джюка Янкович (Ђорђе Ђука Јанковић), ставший после Второй мировой войны выдающимся сербским кинематографистом Жика Митрович (Жика Митровић), Джордже Мали (Ђорђе Мали), Момчило-Мома Маркович (Момчило Мома Марковић), Велько Коцкар (Велько Коцкар), Драган Каламаревич (Драган Каламаревић) и др.

Русские мастера комикса находили вдохновение и темы в русской и сербской литературе, а иногда и в кино, поэтому порой трудно однозначно определить, что явилось источником для создания данной серии комиксов: кинополотно или страницы литературного произведения⁴.

А вообще комиксы печатались во многих изданиях в Сербии тех времен. Дольше всего продержался журнал «Мика Миш» («Микки-Маус»), в котором публиковались наиболее знаменитые русские авторы комиксов. Владельцем журнала «Мика Миш» был Александр Ивкович – замечательный деятель в области популяризации искусства комикса в Сербии и мастеров белградского круга комикса во французских и в итальянских изданиях комиксов⁵.

откроет для себя значительно позднее. «Руслан и Людмила» выполнен в технике ксилографии, представляет собой произведение редкой, эффектной изобразительной красоты и является одной из вершин в истории комикса «Белградского круга».

⁴ Даже беглый обзор белградского кинорепертуара тех лет указывает на влияние тематики кино на мастеров белградского комикса. 10 января 1938 г. в белградском кинотеатре «Луксор» прошла премьера фильма «Дочь почтмейстера», а через два года Алексей Ранхнер публикует одноименный комикс в журнале «Мика Миш». Через несколько месяцев после премьеры «Дочери почтмейстера» были показаны фильмы «Тарас Бульба» и «Пиковая дама», по сюжетам которых Николай Навоев и Константин Кузнецов создали комиксы.

⁵ Александр Й. Ивкович (1894, Одесса – 1969, Белград) эмигрировал из России. В Белграде женился на сербке и взял фамилию жены для того, что облегчить себе путь в деловом мире. В 1930-х годах Ивкович публиковал через собственное агентство «Universum Press» серии комиксов художников белградского круга во французских и итальянских журналах (правда, не ставя в известность авторов и не получив их согласия).

Так, «Принцесса Ру» Лобачева вышла во Франции как «Princesse Thanit». В течение десятков лет автор и место создания комикса оставались загадкой для французских специалистов по искусству комикса. В 1955 г французский историк комикса Пьер Стринати (Pierre Strinati), готовя доклад для Салона в Бордигере (La Reunion Internationale de Bordighera) назвал «Принцессу Танит» («Princesse Thanit») «самым сюрреалистическим комиксом всех времен» (цит. по: Жика Богдановић «Кладенац у коме се огледају звезде или онирична обзорја Ђорђа Лобачева» // Пегаз, спец. № 2, Белград, 1989). Только через двадцать лет при помощи французских историков комикса французы, наконец, узнали, что автора зовут Юрий Лобачев, а настоящее название комикса «Принцесса Ру». Оказалось, что Ивкович для той публикации изменил название комикса, а Лобачеву дал артистический псевдоним.

Похожий случай произошел и с Константином Кузнецовым, чьи произведения «Графиня Марго», «Синдбад-мореход», «Ориент-экспресс» и др. выходили в 1930-х годах при посредничестве Ивковича во французских журналах «Gavroche», «Aventures», «Le journal de Toto». То же самое можно сказать о работах Сергея Соловьева, Николая Навоева, Джуки Янковича, Джорджа Малого (см. подробнее об

История жизни Юрия Лобачева (*в странах бывшей Югославии известен как Ђорђе Лобачев – прим. перев.*) настолько же захватывающая как и его комиксы. Благодаря его огромной популярности и авторитету среди мастеров, историков и любителей комикса всех поколений о нем сохранилось довольно много биографических данных⁶. Он и сам в конце жизни написал блестящую автобиографическую книгу «Кад се Волга уливала у Саву» («Когда Волга впадала в Саву»), которая вышла в белградском издательстве «Просвета»⁷.

В самых кратких чертах его биография выглядит так. Родился 4 марта 1909 года в местечке Скадар-на-Бояни (Албания), где его отец П. А. Лобачев⁸ служил царским вице-консулом. Следующим местом пребывания их семьи стал город Косовска-Митровица, куда они переехали в 1912 году после освобождения сербской армией Косово. Оттуда отец получил назначение в Канею на острове Крит, а затем в 1915 году, когда вовсю шла Первая Мировая война, он с повышением в чин генерального консула был переведен в Фессалоники, где находился до конца войны в 1918 году. Павел Лобачев не принял революции в России и в 1919 году вместе с семьей прибыл на территорию Королевства сербов, хорватов и словенцев.

Первым местом их жизни в эмиграции стал Дубровник – прекрасный город эпохи Возрождения на берегу Адриатического моря. Но здесь и начались их несчастья.

Сначала в 1921 году скончался отец. Мать по совету мужа своей старшей сестры перебралась с семьей в город Нови-Сад, который в ту пору был одним из важных центров русской эмиграции. Вскоре после переселения в Нови-Сад, меньше

этом в: Здравко Зупан «Златно доба српског стрипа или Стрип у Србији 1935-1941» // «Пројекат Растко – Библиотека српске културе на интернету»: <http://www.rastko.rs/strip/zzupan-zlatnodoba.html>.

⁶ О Юрии Лобачеве и о других авторах комиксов в Сербии, чье творчество пришлось на период между двумя мировыми войнами, весьма серьезные и пронизанные любовью статьи написал Жика Богданович. См. Жика Богдановић «Кладенац у којем се огледају звезде или онирична обзорја Ђорђа Лобачева» // Пегаз № 2 – ревија за историју и теорију стрипа и визуелних медија који се изражавају графичким путем, Белград, 1989; его же «Руси су дошли или по ведром дану можете видети вечност» // «Руска емиграција у српској култури XX века», кн. II, Белград, 1994. А также обращаем внимание исследователей на книгу В. И. Косика «Русские краски на балканской палитре», РАН, Москва, 2010, с. 30, 95-97.

⁷ Ђорђе Лобачев «Кад се Волга уливала у Саву – мој животни роман», Просвета, Белград, 1997.

⁸ Павел Лобачев был высокообразованным человеком. В Санкт-Петербурге он закончил юридический факультет Университета, а также Институт языков Ближнего Востока. Помимо этого он закончил и Консерваторию по классу виолончели и флейты. См. об этом в: Ђорђе Лобачев «Кад се Волга уливала у Саву – мој животни роман», Просвета, Белград, 1997, с. 10.

года спустя после смерти мужа, умирает мать Юрия Лобачева. Дети попадают под опеку: старший брат Артемий уезжает в Белград, сестра Евгения выходит замуж и уезжает к мужу тоже в Белград, а Юрию и его младшему брату Святославу выделены опекуны – сестра матери и ее муж. Опекуны постарались побыстрее передать детей в детский дом, а их имущество распродать: «...забрали с собой много чемоданов, сундуков. Целая компания по перевозке грузов. Много-много лет спустя я узнал, что они уехали в Вильнюс, находившийся тогда в составе Польши. После войны Вильнюс стал столицей российской литовской губернии, где мой дед – отец моего отца – служил начальником почты и телеграфа. И была у него там летняя дача. Стало понятно, куда с добрым куском имущества, которое должно было принадлежать тем, кого они опекали, уехали мои милые родственнички. Кстати сказать, я больше никогда их не встречал»⁹.

Через две недели пребывания в детском доме Юрий и Святослав сбежали оттуда и прятались у своих приятелей на окраине Нови-Сада. Юра зарабатывал на себя и брата чистильщиком обуви, помогали им и друзья, которые им приносили из дома что-нибудь из еды.

Случайно Юре попался кусок газеты, в которой сообщалось, что в Белграде с 1920 года работает Русско-сербская гимназия с интернатом под покровительством Его Королевского Величества короля Александра Карагеоргиевича. Тогда мальчик решил на судьбоносный шаг и вместе с младшим братом с большими приключениями добрался до Белграда, в котором они стали воспитанниками Русско-сербской гимназии.

Позднее в 1929 году Ю. Лобачев поступил на искусствоведческое отделение Философского факультета Белградского университета и защитил диплом у проф. Владимира Петковича, одного из лучших знатоков и исследователей сербского средневекового искусства.

Однако время учебы в университете пришлось на период большого мирового экономического кризиса, поэтому подразумевается, что Лобачев вместе с младшим братом продолжил борьбу за выживание – и ему было не до выбора работы. Некоторое время он работал на разгрузке вагонов, потом получил постоянное место во

⁹ Ђорђе Лобачев, указ. соч., стр.19.

французской компании «Батиньол», которая тогда строила мост возле города Панчево и занималась осушением панчевских болот. Через два года Юрий Лобачев был переведен в центральное подразделение «Батиньола» в Белграде. Тогда же он женился, у него родился сын. Но компания вскоре разорилась и он снова, теперь уже с семьей, оказался на улице.

Лобачев стал зарабатывать на себя и свою семью, созданием реклам. Ему посчастливилось познакомиться с производителем фармацевтических товаров Кушаковичем, который в то время приступил к производству зубной пасты. Кушакович отдал в руки Лобачева все хлопоты по рекламе, и тогда на свет появились первые комиксы, которые в нескольких рисунках, объединенных общим действием в т.н. «ремнях», рекламировали товары Кушаковича.

К этому времени в сербских развлекательных газетах стали уже появляться первые американские комиксы. Осенью 1934 года в газете «Политика» появился «Тайный агент Х9» Алекса Реймонда. Тот момент стал решающим в жизни Лобачева. Он вдруг понял, что жанр комикса – это его жизненное призвание: «Мне казалось, что этот комикс («Х9» – прим. С. М.) возник из моих самых сокровенных снов, словно он выразил самую таинственную суть моей личности, о которой до тех пор я и сам не подозревал. Но одновременно я распознал в комиксе выразительное средство, которым бы и я мог овладеть, при помощи которого мог бы высказать свои внутренние творческие стремления»¹⁰.

Вместе со своим школьным другом и кумом Вадимом Курганским, который писал сценарии, Лобачев создал первый комикс «Кровавое наследство» («Крваво наследство»), затем последовал «Смертельный луч» («Зрак смрти») по роману Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Курганский, к сожалению, вскоре покинул Белград, и Лобачеву пришлось самому работать над сценариями для своих комиксов. Так возник «Дубровский» по повести А. С. Пушкина. Затем Лобачев переключился на сербские народные темы и сербскую литературу и создал «Гайдука Станка» («Хајдук Станко») по роману Янко Веселиновича, «Стального человека» («Баш Челик») и его

¹⁰ «Чинило ми се да тај стрип долази из мојих најдубљих снова, као да изражава моју најтајнију интиму, које ни сам дотле нисам био свестан. Али истог часа, у стрипу сам препознао, изражајно средство којим бих и сам могао овладати, уз чију бих помоћ могао исказати своје латентне стваралачке пориве». Жика Богдановић «Кладенац у коме се огледају звезде или онирична обзорја Ђорђа Лобачева» // Пегаз, спец. № 2, Белград, 1989.

продолжение «Каланча ни на небе, ни на земле» («Чардак ни на небу ни на земљи»). После этого появились «Принцеса Ру» («Принцеза Ру»), «Барон Мюнхаузен» («Барон Минхаузен»), «Перчик» («Биберче»), «Волшебник из страны Оз» («Чаробњак из Оза») и др.

К несчастью, большой свободный полет искусства комикса в Сербии прервала Вторая Мировая война. Ситуация не улучшилась ни после освобождения страны. Крупнейшие мастера или были вынуждены покинуть Югославию, или перестали заниматься комиксом, поскольку в послевоенной эйфории этот жанр искусства просто пришелся не ко двору¹¹.

После расхождений между Югославией и СССР в 1948-1949 года и Юрий Лобачев вместе с супругой и сыном, захватив багаж, состоявший из двух чемоданов, был выслан из Сербии в Румынию в запломбированном вагоне. В 1950-х годах ему удалось перебраться из Румынии в СССР и обосноваться в Ленинграде. В этом городе он нашел и работу иллюстратора в газете: «А там – не ради того, чтобы мне похвалиться, а потому что было очень смешно – прослышали во всех редакциях, что появился рисовальщик, который не пьет и всю работу сдает вовремя. Вот так я начал работать в России, иллюстрировать»¹².

В СССР Лобачев долго не мог заниматься комиксом. Ведь у этого жанра был статус «капиталистической придумки, мешающей развитию молодежи»¹³. После перерыва первый комикс Лобачев создал лишь в 1966 году. «Ураган приходит на

¹¹ Николай Навоев умер в 1940 г., поэтому не застал погромов со стороны новых коммунистических властей над русскими эмигрантами и сербской интеллигенцией. Алексей Ранхнер был найден мертвым в канаве в белградском районе Карабурма в 1942 г.. Ивана Шеншина расстреляли коммунисты в ноябре 1944 г. Чтобы избежать той же участи, Константин Кузнецов отошел вместе с немецкими частями сначала в Австрию, затем в Германию и, в конце концов, переехал в США. Себастьян Лехнер пропал без вести в вихре войны в 1945 г.. Мома Маркович бежал из австрийского тюремного лагеря в Италию. Сергей Соловьев в середине 1950-х годов также переехал в Италию.

Трагическая судьба постигла и молодого художника Велько Коцкара. Он родился в Осиеке в 1920 г. Первые его комиксы появились в газете «Паја Патак» («Дональд Дак») в 1938 г. и сразу же поставили Коцкара в ряд многообещающих молодых авторов. К несчастью, после прихода коммунистов к власти в 1944 г. его абсолютно необоснованно осудили как агента Гестапо за сотрудничество с оккупаторами, за то что он якобы тиражировал ложь и клевету, а также при помощи карикатур и других средств укреплял фашистскую тиранию. Велько Коцкар был расстрелян в ноябре 1944 г. См. подробнее в: Ж. Антонијевић «На стрелјање због стрипа» // газета «Блиц», от 23 августа 2009 г. Белград.

¹² «А тамо – не да се хвалим, то је било врло смешно – прочуло се у свим редакцијама да се појавио цртач који не пије и све радове предаје на време. Ето, тако сам почео у Русији. Радио сам илустрације». Ђорђе Лобачев «Предности троглаве аждаје» (интервью) // еженедельник «Време», Белград, 2000. Автор интервью: Соня Чирич (Соња Ћирић).

¹³ «капиталистичке измишљотине која смета развоју омладине». Там же.

помощь» задумывался как сериал из двенадцати частей, однако весь сюжет пришлось сжать до четырех серий, поскольку «некто» похлопотал, чтобы комикс Лобачева был убран из детского журнала.

Юрий Лобачев никогда не прерывал связей с Сербией. После 1964 года он часто приезжал в Белград. Здесь в 1974 году была издана его книга комиксов по названию «Волшебный мир Юрия Лобачева» («Чаробни свет Ђорђа Лобачева»), для которой он заново нарисовал новые версии своих самых знаменитых комиксов. В 2000 году, в день св. Георгия Победоносца в галерее газеты «Политика» (издания, в котором Лобачев публиковал свои первые комиксы в период между двумя мировыми войнами) открылась ретроспективная выставка его комиксов и рисунков.

Юрий Павлович Лобачев умер 23 июля 2002 года в Санкт-Петербурге.

Если достаточно широко классифицировать собрание комиксов Юрия Лобачева, то оно подразделяется на три большие тематические группы. Для первой – источником вдохновения послужили русская и сербская историческая литература: «Дубровский» по А. С. Пушкину (1937), «Гайдук Станко» по Янко Веселиновичу (1936). В основе второй – фантастика в сербской народной литературе: «Стальной человек» и его продолжение «Каланча ни на небе, ни на земле» (1939). Третью группу можно назвать фантастико-онирической: «Принцесса Ру» (1938), «Барон Мюнхаузен» (1940).

То, что объединяет две последние группы по вертикали – это фантастика, и тем самым Юрий Лобачев стоит в ряду первых межвоенных мастеров в мире, которые ввели фантастику в комикс. Именно его творения «Принцесса Ру», «Стальной человек» и «Каланча ни на небе, ни на земле» стали первыми фантастическими произведениями своего времени в мировой индустрии комиксов. Если сегодня взглянуть на «Флэш Гордона» Алекса Реймонда (1934), то не удастся избавиться от ощущения, что это произведение следует воспринимать как приключенческий комикс в квази-научном ключе. То же самое происходит и с «Мандрэйком» Ли Фалька (1934), в основе приключений которого лежит иллюзионизм¹⁴.

¹⁴ Идея Мандрэйка родилась у Ли Фалька, когда художник был еще семнадцатилетним подростком. Лишь спустя десять лет, в 1934 г. Ли Фальк начал публиковать этот комикс.

Фантастика в произведениях Юрия Лобачева – в «Стальном человеке», в первую очередь, но ничуть ни меньше и в «Принцесе Ру» – это не просто декорация или же интригующая стилизация мизансцен. Наоборот, при разработке Лобачевым темы фантастическое рождается из глубокого ощущения автора, из его соединенности с феноменом нереального, таинственного и онирического в литературном источнике, передаваемых посредством визуальных знаков. При этом Лобачеву удается тончайший баланс фантастического с абсолютно рациональной, с отчетливо прочитываемой и с бескомпромиссно твердой логикой рисовальщика.

Из его комикса пробивается дух романтизма (в лучшем смысле этого слова), мягкость визуализации, у которой несомненно романское происхождение (отсутствует высокопарная тевтонская острота). Эта мягкость стирает насилие, она смиряет необузданную порывистость, она есть результат творческого восприятия мира в отчетливо этичной и высочайшей человеческой проекции.

Для подхода Лобачева к разработке выразительности комикса характерна также редукция мизансцен (в особенности в «Стальном человеке»). Нерватура его рисунка предельно точна, закончена и сенсильна. Задавая сцену, Лобачев не пускается в скупую, утомительную реконструкцию времени, архитектуры, одежды, не нагружает секвенцию деталями, отвлекающими внимание от основной нарративной линии. Мизансцена, в известном смысле, задана целиком, но при этом в ней достаточно того, от чего получаешь удовольствие от созерцания времени действия произведения.

Эта, так сказать, «скупость» дает свободу иному качеству Лобачева, позволяет ему стремиться к свободной имажинации как к исходному пункту языковой и нарративной логики комикса, к инвокациям абсурда и к сильным, типично славянским безднам эмоциональности. Здесь лежат запоминающиеся картины острых столкновений прагматизма и нравственности, света и тьмы, вихрей, что кружат по миру, нарушая порядок и разум. Отчаяние, случается, отменяет нравственность поступка; чувство, что все напрасно, умеет опасно дуть на трепещущий огонь надежды...

Пожалуй, сам Лобачев лучше всего определил характер того творческого заряда, что носил в себе: «Я, все же, должен признаться, что меня вечно тянуло к

фантастическим комиксам, или к фантастике в комиксе. Я уже упоминал, что в работе над комиксом меня больше всего интересовало движение: как разместить некую сцену так, чтобы оставаться при этом свободным даже от законов физической реальности. Реалистический комикс, пусть он полностью является плодом вашего воображения, всегда ставит вам ограничения – надо думать о характере быта, о способах поведения, речи, размышлять о всем, вплоть до мельчайших деталей времени, в которое вы помещаете свою историю. Мне же казалось, что фантастический, а в большей степени онирический и уж, тем более, сюрреалистический комикс освобождает от всех, по крайней мере, маргинальных обязанностей – что, разумеется, отнюдь не означает, что человек до конца свободен»¹⁵.

Лобачев и его произведение, в котором сосуществуют фантастика и онирия, явились, в определенном смысле, чувствительным сейсмографом своего времени. Создатель комикса ощущал все противоречие периода, в котором ему довелось жить, и заметил тучи бедствий, которые собирались над миром. Его комиксы – это едкий и решительный протест против нового неистовства. Изобразительная, эмоциональная, нравственная и метафизическая ценность этого протеста в глубине расслаивается.

Перед самым началом войны Лобачев в нескольких комиксах («Барон Мюнхаузен», «Волшебник из страны Оз», «Перчик») попытался ностальгично разыскать чудесный и невинный мир детства. Для него этот мир представлял собой убежище для души, которая ищет защищающие объятия и тепло той великой, далекой, древней, огромной страны, «на том конце которой сама радуга касается высоких крон берез».

Вторая Мировая война прервала грандиозное шествие комикса в Сербии, лучшие произведения которого достигали строжайших мировых стандартов. Мастера

¹⁵ «Ипак морам да признам да ме је увек нешто вукло фантастичном стрипу, или фантастици у стрипу. Већ сам поменуо да ме је у раду на стрипу понајвећма занимао покрет: како да поставим неку сцену, неспутан, ако хоћете, чак и законима физичке реалности. Реалистички стрип, чак и кад је у целисти производ ваше имагинације, увек вас нечим ограничава; увек морате бити свесни нарави, начина живота, понашања, говора, па чак и најситнијих појединости времена у које смештате своју причу. Чинило ми се, међутим, да ме фантастични, још више онирични и поготово надреалистички стрип ослобађа свих, у најмању руку маргиналних обавеза – што наравно не значи да је човек до краја слободан». Жика Богдановић «Кладенац у коме се огледају звезде или онирична обзорја Ђорђа Лобачева» // «Пегаз», спец. № 2, Белград, 1989.

из России и Сербии в большинстве своем замолчали, отложили в сторону листы бумаги с наметками сцен, карандаш, тушь, перо и ушли в себя.

Ни новые времена, пришедшие на смену войне, не стали благосклонными по отношению к комиксу. Идеологи нового времени чувствовали в комиксе запах «опиума для народа».

Так закончился первый золотой век комикса в Сербии. Своего настоящего воскресения в Сербии комиксу пришлось ждать почти два десятилетия. Но это уже другая история, в которой нет русских мастеров.